Глава 198 Бесконечное Младенчество

Сколько прошло времени? Сайлас не мог сказать. Прошли сотни и сотни лет, по крайней мере, сейчас. Но для него все это слилось в единое целое, в путешествие, которое он пережил столько раз, что мог бы пересказать его слово в слово, событие за событием, наизусть, только что пробудившись ото сна и, возможно, напившись до беспамятства.

Их продвижение было медленным, но оно было - каждые несколько лет, в течение которых они снова и снова переживали одну и ту же историю, они продвигались немного дальше вглубь острова. Миля или две - это, может быть, и не так уж много, но каждая лишняя миля или две сокращали длину их пути. Армии, выходившие им навстречу, становились все менее страшными, пока Сайлас молча направлял и вел их к лучшему.

Насколько он знал, они все еще находились на расстоянии не менее двухсот миль от столицы, но это не было проблемой - во всяком случае, пока. В данный момент перед ними стояла огромная личная армия графа Йолта, состоящая из более чем трехсот тысяч солдат, десятая часть которых имела в совокупности больше опыта сражений, чем все силы Сайласа. Это была запредельно высокая стена, на которую, казалось, невозможно было взобраться, но Сайласа это не волновало. Его жизнь здесь, в этом мире, состояла сплошь из высоких стен и гор, которые отгораживали его от того, что ему было нужно. И, как и все предыдущие, эта стена со временем тоже рухнет.

"О чем ты думаешь?" Аша придвинулась и положила голову ему на грудь, ее белоснежные волосы рассыпались по плечам. У нее был румяный цвет лица и красный оттенок глаз. "И если ты выплюнешь шутку в мой адрес, я потяну за кое-что так сильно, что вырву".

"... черт, ты всегда была такой жестокой или это только мое влияние?"

"Понемногу и то, и другое", - ответила она с усмешкой. "Ты думаешь, как двигаться дальше?"

"Не совсем", - ответил он, пожав плечами. "Я просто... пытаюсь опустошить свою голову по собственной воле. Чтобы понять, смогу ли я это сделать".

"А ты можешь?"

"Только не с твоими сиськами, которые так и лезут мне в глаза", - сказал он, когда она вздохнула.

"Правда?"

"Мы почти у ворот", - сказал он. "Даже если эти ворота находятся за сотни километров от нас. Скоро мы будем там. И мы победим. Все это кажется таким... бессмысленным? Как будто это было предопределено".

"Но победить-то все равно надо".

"В том-то и дело", - сказал Сайлас. "Когда вероятность проигрыша полностью исключена из уравнения, можно ли вообще называть это победой? Я словно оцепенел, проживая историю, которая должна закончиться одним способом, и я уже знаю, чем она закончится. Как если бы я перевернул последнюю страницу книги с загадками и узнал, кто убийца - кому тогда было бы интересно прожить это путешествие?"

"Хм", - пробормотала она, проводя пальцем по его животу. "И вот я здесь, просто наслаждаюсь своим путешествием, но при этом знаю, чем оно закончится".

"Да, но ты тупая".

"Эй!"

"Ой", - вздрогнул он от ее внезапного укола. "Черт, это... больно? Ты скрывала от меня свою силу?"

"Ну конечно! У меня должны быть средства, чтобы наказывать тебя, когда ты ведешь себя как скотина".

"Что ж, спасибо. Но мне это тоже нравится, к лучшему или к худшему - но это не имеет никакого отношения к самой истории. Это не имеет отношения ни к поездке в столицу, ни даже к чертовым детям, которых я туда везу. Отчасти это ты, а отчасти знание того, что скоро все закончится, и занавес снова опустится, чтобы бросить меня во тьму неизвестности следующего рассвета."

"Я этого не понимаю", - сказала она. "Я всегда боялась неизвестности. Огонь дает прекрасный, божественный комфорт - зачем же его гасить, чтобы посмотреть, какие чудовища выползают в темноте?"

"Я тоже не знаю. Я... я не всегда был таким. Во всяком случае, я так не думаю".

"Ты не помнишь?"

"Недолго, очень недолго..."

Между ними воцарилась тишина, и, как Сайлас уже понял, когда он был с Ашей, его глаза стали тяжелыми и усталыми, сон звал его. Он обожал это чувство. С каждым циклом и с каждым новым сердцем - а их было уже одиннадцать - ему становилось все труднее и труднее делать самые обыденные вещи - засыпать или даже мочиться. Его тело функционировало на таком оптимальном уровне, что практически не нуждалось во внешнем обслуживании.

В отличие от большинства других случаев, он понял, что снова видит сон. Это случалось нечасто, до такой степени, что он забывал даже задумываться, сон это или нет. Но всякий раз, когда это происходило... это было очень интересное путешествие.

Однако с самого начала этот сон оказался совершенно непохожим на другие: он находился в странном месте, в маленькой, почти клаустрофобной комнате. Стены словно грызли его, а окружающая обстановка выглядела мертвой и неприметной. Простая тумбочка, на ней черная коробка, название которой он забыл, и источник света, освещающий помещение, хотя и не подпитываемый магией. Это была лампа, понял он. Не масляная, как те, с которыми он был очень и очень хорошо знаком, а такая, о существовании которой он давно забыл. Он даже забыл название предмета в форме слезы, который светился золотым светом.

Оглядываясь по сторонам, он стал замечать все больше и больше вещей, которые не соответствовали его восприятию мира. Здесь был обогреватель - он вспомнил его название из глубин своего сознания, - и даже маленький телевизор, притулившийся в углу. Постепенно, словно кто-то разрядил в его сознание связку гранат, воспоминания, дремавшие тысячи лет, стали всплывать одно за другим, словно в гонке за тем, кто первым зажжет его самого.

Он вспомнил, что это была его комната, когда он был еще мальчиком и жил с родителями. Он забыл эту комнату, он был уверен... и все же она оставалась в его памяти все это время, казалось, ожидая, что к ней обратятся. Это была обычная комната, которую ему запретили украшать по своему вкусу. Не разрешалось вешать какие-либо плакаты, все, кроме учебников и одежды, было разложено в гостиной, на двери не было даже замка, чтобы родители могли

прийти "в случае чего".

Проснувшись, он увидел, что Аша крепко спит, и ее ресницы тихонько трепещут. Вздохнув, он откинул голову назад и посмотрел за звезды, за пепельное ночное небо. Он медленно вылез и встал, чувствуя, как прохладный ветерок ласкает его. Он начал подозревать это уже давно, когда ему приснился сон о появлении Путешественников в его сознании, потому что в том единственном проблеске, который был ему предоставлен в реальности, между формами, которые ужасали и леденили его сердце и душу, он уловил прерывистый глаз, разбитый измерениями и законами, который он не мог понять. Это был глаз, который он знал, и взгляд, который он любил. И с тех пор он стал видеть все больше и больше следов, крошечных, туманных реализаций, которые говорили с ним.

Оглянувшись, он увидел, что она просыпается и зевает. Она улыбнулась, когда их глаза встретились, и он улыбнулся в ответ, почти инстинктивно. Оставалось еще двести миль, но теперь в его глазах была двойственность. Пока он не пересечет их, она будет с ним, и он будет вечен. И хотя такая жизнь была бы скучной, одинаковой и бесконечно унылой, она была последовательной. Верно. С этим можно было смириться. Но все изменится, знал он, после преодоления последних миль, после битвы с королем, после того, как корона будет возложена на голову юноши.

Возможно, она улетит, завершив свою миссию. Или, возможно, он вернется на Землю в каком-то качестве. Или умрет. Или продолжит жить смертной жизнью рядом с Валеном. Но... он надеялся. Надеялся на единственную возможность.

"На что ты смотришь?" спросила Аша, надевая серебряное платье. "И если ты скажешь, что это самое прекрасное существо на свете, я прищелкну языком".

"...ты меня поняла насквозь, да?" - сказал он с усмешкой.

"Нет", - сказала она. "Я просто поняла твою игривую сторону. Ты никогда не упускаешь возможности пошутить, независимо от обстоятельств. Я уверена, что на смертном одре ты

обратишься к тому, кто останется рядом с тобой, и скажешь что-нибудь впечатляюще неубедительное, например, "напиши на моем надгробии "похоронен заживо", чтобы люди были шокированы, посетив мою могилу"".

"А ты бы взяла и написала", - сказал он.

"О, как ты уверен, что я буду так долго терпеть твою задницу. Что ты хочешь на завтрак?"

"Ты говоришь, что не будешь? Я буду есть с детьми".

"Никогда не говори никогда", - она подошла и легонько поцеловала его. "Но, да, никогда".

"Ой. Вот это способ разбудить парня".

"Хватит нести чушь", - она схватила лежащие рядом брюки и бросила их ему. "Одевайся и пойдем. Я не хочу спешить обратно. Мне вообще-то нравится спускаться с горы в такую рань".

"Это только из-за того, кто является твоей компанией", - сказал Сайлас.

"Да, ветра и птицы очень приятные".

Он вышел из "хижины" без крыши, которую они соорудили из камней и веток, на открытом плато, с которого открывался вид на крутой спуск с горы.

"Училась у лучших".

"По крайней мере, я лучший", - с безмятежностью подумал он, когда двое начали спускаться с горы. Перед ним лежал четкий путь, и хотя он не очень-то умел писать историю, которая будет рассказана, он знал, что потом будет другая история, и он напишет ее начало. И все остальное. Он больше не был человеком - уже давно, очень давно не был. Он был чем-то большим. Не лучше, не хуже, а просто неземно другим. Жизнь не была чередой событий, а сожаления не были горами, давящими вниз. Для него жизнь не была прямой линией, идущей от начала к концу. Он еще не знал, что такое жизнь для него. Даже спустя тысячи лет он чувствовал себя младенцем в этом новом мире, в этой новой реальности. То, что для человечества было бы бесконечностью, масштабом времени, о котором говорят в эонах общества, для него было лишь временным началом, первыми шагами, которые он сделал, чтобы жить за пределами жизни. И многое, знал он, еще лежит в темноте впереди, ожидая, когда он повзрослеет и впервые откроет глаза.

http://tl.rulate.ru/book/66231/3151809